

ОТПРАВЬ ИХ В АД!

18+

ВИНОГРАДОВ МАКСИМ

Максим Владимирович Виноградов

Отправь их в Ад!

Серия «Проводник в Ад», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57426807

SelfPub; 2020

Аннотация

Что будет, если взять мрачный крутой боевик, вдохновленный фильмами «Джон Уик» (2014), «Отправь их в ад, Мэлоун» (2009), «Стальной кулак» (1995) и т. п. Поместить действие в мир фэнтези и стимпанка. Выкрутить нуар на максимум. Добавить колоритных персонажей, перемешать с интригующими сюжетными линиями, приправить острой злободневной сатирой... Получатся приключения Нергала Рихтера, прирожденного убийцы, прошедшего семь кругов Ада. Суровый, угрюмый, с внутренним стержнем (как в прямом, так и переносном смысле) и стальными яйцами, он выбивает дурь из «плохих» парней, отправляя в преисподнюю по кратчайшему пути. И все это, конечно, ради великой цели...

Содержание

ГЛАВА 1	4
ГЛАВА 2	21
ГЛАВА 3	35
ГЛАВА 4	41
ГЛАВА 5	52
ГЛАВА 6	58
ГЛАВА 7	66
ГЛАВА 8	76
Конец ознакомительного фрагмента.	78

ГЛАВА 1

Берлин встречал полутьмой, слякотью и ветром. Октябрь выдался на удивление мрачным, осень силилась затащить жителей в пучины серого отчаяния. Дождь лил, не переставая; тучи захватили небо и не торопились сдавать плацдарм; уличные фонари один за другим проигрывали битву надвигающейся тьме.

Мехмобиль пересек границу мегаполиса, разбрызгивая обширные лужи на Вальтерсдорфер – одной из главных транспортных артерий города.

Люксовый мерседес, выполненный в старомодном ретро-стиле, уверенно оставлял позади безликие мили, похожие друг на друга, как две капли воды. Ливень беспомощно разбивался о широкое лобовое стекло, капли барабанили по крыше, выстукивая рваный тревожный ритм. Мотор сдержанно рычал, похваляясь скрытой мощностью; винтажные колеса подмигивали хромом; внушительные круги фар выхватывали из темноты очередной участок проезжей части.

Водитель, плечистый мужчина в сером плаще, крепко сжимал руль цепкими пальцами. Тень от широкополой шляпы не позволяла рассмотреть лицо; накидка скрывала рослую фигуру; тусклый отсвет приборной панели отражался на смуглой коже запястий, покрытых устрашающей сеткой

шрамов.

Мехмобиль решительно вклинился во внутренности города, как игла входит в мягкие ткани больного. Шофер управлял аппаратом плавно, без рывков, стрелка спидометра упрямо крутилась возле восьмидесяти. Мужчина внимательно смотрел на дорогу, лишь изредка беглый взгляд пробежал по вскрытому бумажному конверту, небрежно брошенному на пассажирском сиденье.

Пакет из плотного водонепроницаемого пергамента, со множеством почтовых марок на лицевой стороне, содержал лишь одну надпись: «Нергал Рихтер». Внутри хранились с десяток разрозненных листков, заполненных именами, фотокопиями, описаниями.

Не просто информация, в конверте содержалось нечто гораздо более ценное – причина, побудившая Нергала вернуться в Берлин после продолжительного отсутствия. Символ, толчок, указатель, повернувший судьбу мужчины в новое, осмысленное русло.

Мерседес вздрогнул, подпрыгнув на очередной колдобине. Водитель с досадой поморщился – дорога брыкалась, не переставая. Даже в черте города поверхность изобиловала неровностями, что уж говорить о прочих трассах.

Берлин ничем не выделялся на общем фоне – те же ямы, заполненные осадками, тот же мрак, с успехом скрывающий непотребство. Фонарный свет падал лишь на мусорные баки да горыхлама, разваленного вокруг. Смутные огни зана-

вешенных окон блестели по сторонам, давая понять, что вокруг все же город, а не чистое поле.

И тем не менее, Нергал вздохнул с облегчением. Долгое время он существовал, не зная цели и смысла, коротал время, как обычный *комитос* – обыватель, живущий лишь потому, что родился. Письмо от неизвестного автора открыло перед мужчиной новые горизонты. Учитель был доволен, как и сам Рихтер. Наконец, он отыскал собственное *хито* – устремление, миссию, веху.

Впереди, на перекрестке, мигнул красным светофор. Мерс плавно сбросил скорость, послушно останавливаясь. Мимо пронеслась, завывая сигналом, сверкающая бмв последней модели. Брызги из-под колес накрыли с головой. Нергал поморщился, сдержанно чертыхнувшись. Сам он не видел смысла нарушать. Во-первых, особой спешки нет, тише едешь – дальше будешь; во-вторых, это дело принципа.

По переходу нескончаемым потоком тянулись пешеходы. Серая людская масса пересекала проспект, не поднимая тускнеющих глаз. Холодный дождь вкупе с порывами ветра заставляли мертвой хваткой вцепляться в зонты. А те несчастные, что не имели защиты, срывались на бег, силясь перепрыгнуть раскинувшиеся лужи.

Нергал провожал прохожих рассеянным взглядом. Обычное стадо ничем непримечательных, однообразных *комитос*, спешащих поскорее укрыться от злой непогоды. Люди, в большинстве обычные люди, лишь единожды мелькнули ха-

рактерные уши эльфа. Наметанный глаз не без труда выделил оборотня – редкого гостя в цивилизованной Прусской Республике. Впрочем, кем бы ты не был – человек, эльф, оборотень, да хоть бы гном или орк – в глазах убежденного последователя *хадо-хито* все одинаково бесполезны, пока не поймут и не примут собственного предназначения.

Взгляд бесцельно скользил по вялотекущей толпе, пока не остановился на молодой женщине, обреченно шагающей в потоке воды и людей. Теперь Нергал выругался вслух. Стройная фигура, хорошо заметная под теплым темным пальто; светло-коричневые волосы, практически целиком скрытые полусферой зонта; бордовая юбка чуть выше колен; длинные сапоги на толстом каблуке. Все это прекрасно, но отнюдь не красота привлекла внимание мужчины.

Хорошо заметная, ярко-красная вампирская печать смерти лежала на девушке. Обывателям никогда не рассмотреть, а вот другие кровососы, да и любая нечисть вообще, сразу поймут – дичь помечена, трогать запрещено всем, кроме хозяина.

Да, печать специально для порождений тьмы. Заметить ее, если ты не вампир, можно лишь после продолжительного специфического обучения. А у Нергала были отличные учителя, самые лучшие.

Символ сигнализировал о двух вещах. Во-первых, упыри вконец обнаглели. Метят людей, как скот, в столице Пруссии, не боясь и не стесняясь никого. Охотятся, будто в соб-

ственных угодьях. А во-вторых, Республика катится в тар-тарары. Если уж по улицам Берлина открыто разгуливают вампиры, значит со страной явно что-то не то. Где патрули с амулетами истинного зрения? Куда смотрят охотники на нечисть?

Женщина пересекла переход, красный свет, заморгав, сменился зеленым. Нетерпеливые гудки вывели Нергала из задумчивости. Тяжело вздохнув, он включил поворотник. Мехмобиль неторопливо вырулил вслед за удаляющейся жертвой.

Спасение обывателей от нечисти совсем не входило в планы, по крайней мере напрямую. Но вампиры... Нергал ненавидел кровососов всей душой, и для злобы не требовалось особых причин. Достаточно пару раз посмотреть на следы пиршества вурдалаков, поглядеть в глаза безвольных гулей – верных слуг упырей. Эти полоумные хищники, движимые лишь неумной жадой крови, должны быть уничтожены, все до единого! Тем более, устав гильдии дедхантеров напрямую запрещает игнорировать подобные инциденты...

Фары мерса погасли, скорость упала до черепашьей. Практически неслышной и незаметной глыбой он рассекал лужи на небольшом отдалении от задумчиво шагающей женщины. Дождь продолжал выбивать барабанную дробь, где-то на горизонте мелькнула кривая молния.

Карина шла, глубоко погрузившись в раздумья. Девушка давно не замечала ни окружающего города, ни промозглого

ветра, ни яростного дождя, ни, тем более, едущего следом раритетного мехмобиля. Почему она, не смотря на ужасную погоду, не поехала домой на такси? Зачем свернула с широкого проспекта на мрачную Урзулиненштрассе? Барышня не задавалась подобными вопросами, ее вело нечто, превышающее волю человека.

В кармане плаща похрустывала свежая пачка денег. Зажиточный купец Освальд не поскупился, проспонсировав «свидание». Карина рада бы сказать, что встречалась с ним во все не из-за денег, но это означало бы обманывать саму себя. Пухлый, лысый, совсем не мужественный... Освальд не привлекал ничем, кроме богатства. Зато теперь можно оплатить аренду квартиры, закупиться в магазине, ни в чем себе не отказывая... И вернуться в школу, к детям.

Что же это за страна, где учительница вынуждена подрабатывать по вечерам, встречаясь с мужчинами за деньги? Карина совсем не женственно шмыгнула носом, рука машинально полезла в карман за платком. Сапоги цокали, разбрызгивая воду, просторный зонт надежно укрывал от дождя. Грустный взгляд не поднимался от земли, стараясь выбрать проходимый маршрут среди размокшей чавкающей грязи.

Впрочем, ничего необычного в ее истории не было, скорее – обыденность, скучная грустная повседневность. Бедная семья, умная девочка, отличница. Сестра уехала искать счастья в Кенигсберг, да там и канула, пропала без следа. Карина закончила Берлинский университет, надеясь, что диплом

откроет дорогу к престижным профессиям и высокооплачиваемым местам. Но правда оказалась совсем другой: специалист с высшим образованием в Пруссии никому не нужен. Наука в жопе, производство работает по накатанной, технологии стоят столбом уже не первый десяток лет. На денежные места можно попасть только через постель, пройдя суровый «отбор» среди десятков кандидаток. Место учительницы начальных классов в обычной районной школе – тот максимум, на который она могла рассчитывать.

Отчаянный гудок заставил отскочить назад – девушка едва не попала под колеса проехавшего грузовика. Она удивленно оглянулась, пытаясь сориентироваться. Со всех сторон одно и то же – темные улицы, лужи, дождь, никакого про света. Не все ли равно, куда идти, что делать? Печально сгорбившись, Карина пересекла дорогу.

Ей даже нравилось преподавать, общаться с ребятишками, учить их добру. Нравилась детская незамутненность, непосредственность. Искрометное свободомыслие, не забитое пропагандой, не испорченное тоннами чужих мнений. Молодая наставница любила подопечных, и те отвечали ей полной взаимностью. Если бы только зарплаты хватало хотя бы на обычную жизнь. Если бы...

Карина остановилась, недоуменно уставившись на темный переулок. Съемная квартира находилась совсем в другой стороне, и все же что-то тянуло, неодолимо тащило девушку в этот грязный закуток, затерявшийся между домами.

Она шагнула внутрь, сразу нырнув из полумрака во тьму. Лишь одна тусклая лампа моталась где-то посредине проулка, служа скорее путевым ориентиром, чем осветительным прибором. Бесчисленные баки, забитые под завязку мусором; разорванные пакеты и коробки; грязь, сор, разлагающиеся остатки еды, а может и чего похуже – все это разом бросилось в глаза. Пахнуло сыростью, гнилью, застоявшимися испражнениями. Звуки крупных улиц остались далеко позади, сюда долетали лишь отдаленные гудки мехмобилей, пьяные крики и шум круглосуточной пивнушки, расположившейся за углом. Девушка сделала еще шаг, из-под ног бросилась серая крыса, зарывшись в спасительный хлам.

Нергал следил за девушкой из машины – все признаки приближающейся развязки на лицо. Бездумная походка, отрешенность, рассеянность. Жертва не осознает куда и зачем направляется, ее «ведут», словно под-руку. Молодая, глупая, она чем-то неувлимым нравилась Рихтеру, хоть худышки и не в его вкусе. Он ощущал симпатию, возможно лишь потому, что жить красоте осталось – всего чуть.

Когда девушка остановилась у входа в гнусный переулок, мужчина понял – пора. Мерс тормознул у обочины, двигатель, всхрипнув, заглох. Нергал выбрался наружу, хлопнула дверца. Дождь неудержимо заколотил по шляпе и плащу, силась пробраться под них.

Я бегу через ночь под потоком дождя,

Я его не боюсь – это просто вода!

Строки пришли в голову неожиданно, как редкое напоминание о времени, проведенном среди охотников за нежизнью. Тогда, совсем еще юному Рихтеру казалось, что он переживает невероятные испытания. Рихтер теперешний думал о тех моментах, как о счастливом детстве.

*Это просто вода, это ветра порыв,
У меня на губах – значит, я еще жив!*

Да, тогдашний наставник отличался некоей поэтичностью, любил декламировать строки собственного сочинения, выдавая за четверостишия неких великих поэтов.

Нергал легко перепрыгнул несколько луж, добравшись, наконец, до тротуара. Машинально огляделся – ни души.

*Пусть останется дома тот, кто устал.
Под раскатами грома место для скал.*

Место для скал, ага. Охотник невольно ухмыльнулся. Действительно, сейчас, под стеной воды он выглядел неуместным темным валуном.

Зев переулка манил сумраком, последние шаги Рихтер преодолел почти бегом.

Я бегу через ночь, меня не удержать.

Две руки, две ноги. И способность бежать.

Левая рука нырнула в карман, нащупывая очки, правая проверила оружие. Все на месте, в полной готовности. Мрачная фигура на миг задержалась у поворота, шаг – и охотник растворился во мраке переулка.

Холодная ладонь ухватила Карину за шею, разом встряхнув. Сильные пальцы сжали горло, задавив попытку крика. Девушка затрепыхалась, едва касаясь носками ног земли. Зонт выпал из ладони, руки мельтешили по сторонам, сию секунду оттолкнуть напавшего, но раз за разом пронзали лишь пустоту.

Пока большая часть разума билась в панике, где-то на самых задворках сознания сохранился крошечный островок рациональности, живущий, казалось, собственной жизнью. «Это не вор, – отрешенно решил он, – И не насильник. Не маньяк и не убийца. Тогда кто?»

По роду деятельности Карине приходилось обучать детишек избегать попадания в чрезвычайные ситуации. Она читала кучу методичек, да что там – сама написала несколько. «Как не стать жертвой маньяка». «Что делать, чтобы избежать изнасилования». «Правила поведения при нападении грабителей». Вот только реальность оказалась вовсе не такой, как теория. Гораздо проще, циничнее и безжалостней.

Пару раз девушку встряхнули, выбив дух и желание со-

противляться. Потом она ощутила могучее тело за спиной. Холодная, как лед, ладонь откинула ворот плаща, голова монстра склонилась к тонкой длинной шее, острые клыки вонзились в бледно-розовую кожу. Карина вздрогнула, поняв, наконец, *что* происходит.

Ее не будут бить, обворовывать или насиловать. Это вампир, а значит, конец всему. Если повезет – выпьет полностью, быстрая почти безболезненная смерть. В худшем случае – судьба бездумной гули, верной слуги кровососа.

Нет смысла вырываться – ни один человек не в силах справиться с порождением тьмы. Невозможно кричать – ледяные ладони стальной хваткой сжимают горло, надежно удерживая от любых попыток противодействия. Да и кто откликнется на призыв? Бомжи? Забулдыги? Завсегдатаи местной колдырятни? Вот уж надежная защита от вурдалака.

Карина удивлялась накотившему спокойствию. Была ли причина в темной магии, или просто сказалась обреченность и осознание собственного бессилия? Девушка безвольно обмякла в объятиях хищника, с некоторым облегчением осознавая – вот и все, конец нелепому жизненному пути.

Она не сразу поняла, что произошло – в какой-то момент клыки отпрянули от шеи, стальная хватка рук ослабла. Потеряв опору, Карина сползла на грязную землю, очутившись у ног кровососа.

– Человек... – полу-шипит полу-рычит вампир, – Смело! И глупо. Уходи, сегодня у меня другая добыча!

Девушка оглядывается.

Широкая тень высится неподалеку. Человеческая фигура в длинном плаще и широкополой шляпе. Тьма скрывает черты лица, не разобрать ни осанки, ни вооружения. Дождь нещадно барабанит по голове и плечам, ниспадая вниз мириадами брызг. За спиной – пустота, ни отблеска, ни звука, ни дуновения. На мгновение Карина оживает, нелепая надежда зарождается в глубине души, но тут же гаснет. Ни один человек не справится с вампиром, тем более с сытым.

– Ты что, оглох? – вурдалак повышает голос, – Или нажрался? Вали отсюда!

Человек шагает вперед, поднимая голову. Отраженный свет фонаря падает на смуглое овальное лицо. Высокий лоб, небольшие уши, сплюснутый нос, тонкие обветренные губы, сжатые в плотной усмешке. Худые щеки со следами алхимических ожогов, ровный волевой подбородок. Глаза закрыты небольшими кругами очков.

Карина сдержанно икает. Это одновременно и усмешка, и удивление, и разочарование. Черные очки? Ночью, в темном переулке? Выглядит, конечно, чрезвычайно круто, но смысл? Точно, очередной обкурившийся наркоша, вообразивший себя супергероем.

Рука прищельца поднимается. Карина вглядывается, ожидая увидеть бесполезный против нежити пулевик, но в ладони человека зажато лишь нечто небольшое, вроде короткой палки. Вампир угрожающе рычит, хмуро всматриваясь

в неведомое оружие.

В следующий миг переулочек озаряет яркая вспышка неестественно белого света. От неожиданности девушка падает на спину, мокрые ладони трут глаза, но без толку – перед взором скачут цветные круги, зрение отключается, соленые слезы текут ручьями, смешиваясь с потоками ливня.

Вампир хватается за глаза, громко матерясь. Уже через мгновение он прыгает вперед, вслепую размахивая когтями. Каждый удар – потенциальный труп, рассеченный пополам. Но Нергал уже совсем не там, где мечется нежить.

Слишком предсказуемо, слишком легко. Рихтер видел такое не раз, да и сам зачастую участвовал в истреблении упырей. Яростные прыжки, смертельные удары в пустоту... Так же красиво и эффектно, как и бессмысленно. Нет бы скрыться, рвануть, пусть и стучаясь лбом о стены. Схорониться, переждать, и тогда уже вернуться мстить с восстановленным зрением и во всеоружии...

А раньше кровососы явно были поумней, знали, когда надо поостеречься, а то и убегать сломя ноги. Охотников боялись до дрожи, не то что этот глупый самонадеянный молодняк.

Тесак скользит в руку, беззвучный замах рассекает воздух. Блеск гномьей стали, лезвие идеальной заточки без труда кромсает плоть вместе с костями. Нога упыря, срубленная под колено, отлетает в сторону. Вурдалак, взвывая дикой собакой, рушится вниз, в лужу, лишившись одной из опор.

Он бессвязно ругается, теперь уже на вампирском наречии, что говорит о сильнейшем волнении. Особой боли кровососы не ощущают, но скакать без ноги как прежде точно не сможет. Руки упыря мечутся в поисках врага, быстрые бесплодные тычки то и дело пронзают воздух.

Нергал мягко смещается в сторону, медленный замах, удар! Рука, срубленная по локоть, летит в грудку мусора. Будет гнить долго, мясом нежити побрезгуют даже крысы. Вампир рычит, скривившись от бессильной злобы. Из обрубка сочится темно-зеленая вязкая флегма – упыринный аналог крови.

– Ты труп! – бешено шипит кровосос, – Мертвец! Я лично тебя выпотрошу, а потом превращу в гуля! Ты будешь жалеть, что не сдох раньше! Сука! Сука!

Он переворачивается на живот, опираясь на оставшиеся конечности. В луже неудержимо расплывается зеленоватое пятно. Дождь смывает следы бойни быстро и беспрепятственно. Вампир трясет головой, стараясь вернуть зрение, но тщетно.

Очередной взмах – вторая рука срезана подчистую, тело кровососа валится бессильным кулем. Упав, он врезается лицом в асфальт, остервенело крутит головой, стараясь развернуться поудобнее.

Рихтер подходит ближе. Вот теперь почти все.

Конечно, упырь еще далеко не мертв. Если как следует откармливать, даже может вполне себе успешно регенериро-

вать и, через пару месяцев, снова рассекать по Берлину, как ни в чем не бывало. Но, как любил поговаривать наставник Нергала – не в мою смену!

Оружие взлетает в воздух, охотник перехватывается удобнее. Широкий замах, резкий удар, голова вампира катится, как шар для боулинга. Рихтер бережно вытирает лезвие об одежду трупа, тесак прячется за широкой подкладкой плаща.

Дождь стучал по крышам, журчали водостоки, шумели трубы сливов, пропуская через себя неудержимые потоки воды. Струи падали ровно, вдоль стен, достигая самого дна каменного коридора. Переулок молчал, застыв после разразившейся трагедии. Тело упыря слабо подергивалось в луже, молодая женщина с ужасом прислушивалась.

Нергал порылся в карманах вампира, бумажник и документы мертвеца перекочевали в плащ охотника. Только тогда он обратил внимание на застывшую женщину.

Карина ерзала на земле, незрячая голова крутилась, стараясь уловить звук шагов. Девушка понимала, что случилось нечто необычное, но не могла осознать, что именно. Человек убил вампира или вампир человека? Чего ждать – смерти или чудесного спасения?

Она вздрогнула, когда ладонь коснулась шеи, уверенные пальцы пробежались по месту вампирского укуса. Бедняга запричитала, сумев выдавить из себя что-то среднее между «не убивайте» и «спасите».

Рихтер смотрел на девчонку, на секунду замешкавшись. Милосерднее всего было бы прикончить ее прямо сейчас. С другой стороны, пока что она еще человек, а человеку стоит предоставить шанс доделать земные дела перед посещением преисподней.

Карина заверещала, когда безжалостные руки бесцеремонно облапали ее, отыскивая во внутреннем кармане документы. Охотник глянул бегло – имя, адрес, профессия – ставший ненужным паспорт упал в лужу.

– Сорок восемь, – низкий звонкий голос заметался между стен, абсолютно безразличный тон поразил стонущую жертву.

Девушка тихо скулила, причитала, из рта вырывались жалобные завывания. Спаситель ушел, растворившись в ночи. Исчез также неожиданно, как и появился. Да и никакой это был не спаситель. Если уж быть до конца честной, стоило признать – он пришел убить вампира, а не выручить жертву.

Невидящие глаза бессильно моргали, дрожь сотрясала замерзшее тело. Одежда промокла насквозь, до нижнего белья, зонт валялся неизвестно где. Карина медленно поползла вперед на четвереньках, старясь наощупь найти выход из переуллка. Под руки попался какой-то округлый шероховатый предмет. Девушка долго исследовала находку, узнавая и не веря собственным ладоням. Это была отрубленная голова с ровным четким срезом на месте шеи.

Только теперь долгий и громкий крик ужаса прорезал

пространство заброшенного переулка.

ГЛАВА 2

– А бабенка-то ничего, сисястая! – довольный голос привлёк внимание Карины, – Задница, правда, дрищевата, зато титьки – во!

Мужская ладонь бесцеремонно схватила за подбородок, поворачивая голову из стороны в сторону.

– Рот маленький, – брезгливо заметил хозяин ладони, – Боюсь, прибор не влезет...

– Маленький, зато работающий, – откликнулся третий голос, – Вон, губки какие жадные!

– Ее бы отмыть, да приодеть, – мечтательно констатировал самый первый собеседник, – Тогда уж можно и попользоваться.

– Успеешь еще. Время есть.

Карина понимала, что обсуждают ее, но воспринимала это безучастно, на удивление спокойно. Немного обескураживало то, что похабные речи доносились не из уст бомжей или посетителей борделя, то были речи жандармов. Тех, кого девушка привыкла считать защитниками, поборниками закона и порядочности.

Впрочем, для них она уже была нежитью, вампиром, хотя еще не до конца оформившимся. Когда завершится превращение – вопрос времени. Пока же девушка сидела в углу,

возле окна, руки стянуты мягкими пластиковыми кандалами, ноги небрежно привязаны к батарее.

Карина почти не помнила, как ее нашли. Из памяти выплывали взбудораженные голоса, звуки мехмобилей, жесткое сиденье автозака. Потом долгая ночь, проведенная в камере. Никто не удосужился выдать девушке полотенце или сухую одежду, бедняга дрожала, то погружаясь в мрачные пучины сновидений, то выныривая в еще более невзрачную реальность.

Зрение постепенно вернулось, девушка смогла оценить обстановку камеры. Холодный камень стен, грязные полы, частая решетка вместо двери. Деревянная койка, намертво привинченная к стене, служила и стулом, и столом, и постелью. Удобства находились здесь же, в противоположном углу. Хотя, называть «удобствами» дырку в полу и торчащий из стены краник, язык не поворачивался.

К утру одежда высохла на теле, тюремная баланда с кипятком вместо чая вернула часть сил. Карину приволокли в допросную, где долго и нудно собирали показания о вчерашнем происшествии. Она устала повторять одно и то же, язык работал автоматически, совершенно не заботясь о согласованности и правдоподобности рассказа.

Документы изъяли вместе с деньгами. Пальто валялось на полу, как обычная тряпка. Свитер скукожился, юбка покрылась слоем грязи, ровно как и чудом уцелевшие чулки. Девушка ощущала себя разбитой и уставшей. Интерес к жизни

пропал, воля надломилась. Хотелось, чтобы все это поскорее закончилось, хоть как-то.

Ее оставили в покое, не воспринимали как потерпевшую, да и вообще, как человека. Для окружающих девушка осталась куском плоти, который, пока что, можно использовать для определенных целей.

Комната, куда привели Карину, находилась на втором этаже шикарного особняка. Девушка никогда бы не подумала, что жандармерия может быть так богато обставлена и оформлена. Снаружи здание смотрелось, как резиденция очередного аристократа, внутреннее убранство ничем не уступало.

Море света из позолоченных ламп; широкие столы; кресла, подобающие важным господам; диваны и шкафы, будто выполненные на заказ. Повсюду слышался говор полицейских, смех и веселые возгласы довольных жизнью людей. Звуки офиса, звон телефонов, шелест бумаг и книг. Изредка доносились нелицеприятные крики из допросной, но на них никто не обращал внимания. В воздухе витали запахи кофе и пота, богатства и насилия, крови и беззакония.

В кабинете расположились пятеро жандармов. Они громко переговаривались, абсолютно не заботясь о том, что девушка их слышит. Карина невольно воспринимала слова, усталый взор блуждал по роскошной обстановке.

Жандармы оказались разношерстными, как на подбор. Карина так и окрестила их про себя. Один толстый, грозный,

с краснеющим лицом; другой тонкий, худющий, как жердь; третий высокий, что каланча; четвертый хмурый, постоянно что-то жующий со сморщенной физиономией. Наконец, пятый, самый главный, важно сидел, раскинувшись в поистине королевском кресле, аккуратно сложив ладони на выпирающем пузе. Объединяло мужчин лишь одно: дорогие костюмы, свидетельствующие о немалом достатке.

Сколько, интересно, нужно получать, чтобы позволить себе золотую печатку? Или рабочую одежду, сшитую на заказ в престижном ателье?

Карина отвернулась, уставившись в окно. На улице дождь не утихал ни на минуту, капли беспомощно бились о стекло. Перед глазами девушки словно развернулась другая страна – край грязи, сырости, холода и промозглого ветра. По контрасту с теплым, богато обставленным офисом, уличная действительность казалась настоящим адом.

В этом аду бродили серые промокшие люди, спасаясь от непогоды под широкими зонтами. Мехмобили форсировали целые моря, разлившиеся на мостовой; немногочисленные прохожие торопились добраться до сухих убежищ, неловко протискиваясь по грязи тротуаров.

Изредка кто-то заворачивал в сторону жандармерии, издалека доносился стук массивной входной двери. Небольшая стоянка, расположившаяся перед парадным, медленно заполнялась подъезжающими машинами. Казалось, этот круговорот посетителей, мехмобилей и текущей воды никогда

не закончится.

«Что же будет дальше?» – подумал Карина.

Вопрос возник, повиснув в воздухе. Он болтался в голове, не находя ни отклика, ни ответа. Спутанные мысли блуждали бесцельно, не выливаясь ни во что осмысленное. Никаких планов, никаких желаний. Странная апатия завладела разумом, равнодушие разлилось по телу девушки. Казалось, ничего хуже, чем укус вампира, приключиться уже не может. Скоро она сама превратится в безумного кровососа, и тогда... На этом мысль останавливалась, разворачиваясь обратно, блуждая по тому же самому кругу раз за разом.

– Вот мне интересно, – задумчиво протянул Толстый, – Что это за герой у нас появился, а? Кто может вот так запросто замочить упыря?

– Да уж, знатная бойня, – подтвердил Худой, – Разделали, как свиную тушку...

– Вот ты смог бы убить вампира? – не унимался упитанный, ткнув пальцем-сарделькой в Каланчу, – Хоть с пулевиком, хоть с ножом, хоть как?

– Ну... Только во сне, – усмехнулся Высокий, – Там я их десятками крошу.

– То-то и оно! Мы, первоклассные жандармы, но против такой нечисти абсолютно бессильны. Что из этого следует?

– Работал специалист.

– Вот именно! – Толстый уверенно кивнул, – Кто-то из гильдии.

– Скажешь тоже, – покачал головой Хмурый, – Дедхантеров уже сто лет в обед никто не видел.

– Ну, положим, не сто... Лет десять, как они ушли из города.

– Сто или десять. Один хрен. Нету больше в Берлине никаких охотников!

– И все-таки... Дело рук явного спеца. Так мастерски покромсать кровососа...

– И кстати, неплохо бы выяснить, что это была за вспышка такая? – вмешался Главный.

– Александрийская Свеча, – раздался голос от двери.

У входа в комнату стоял щеголеватый молодой человек. Модный плащ, свисающий с узких плеч; темные стильные джинсы, переходящие в не менее стильные ботинки; белая сорочка спряталась под темно-синей жилеткой; на голове – мокрая шляпа с широкими полями, которую незнакомец и не подумал снимать в помещении. Выглядел незванный гость хоть и сущим франтом, но тем не менее, вполне официально.

– Свеча? – недоверчиво переспросил Толстяк.

– Алхимическое устройство, дающее чрезвычайно мощную, хоть и кратковременную, вспышку света. На известный промежуток времени дезориентирует, отключает зрение. Особенно губительно для вампиров, умертвий и прочей нежити, имеющей ночное зрение.

Парень свободно прошелся по комнате, остановившись перед Кариной. Девушка подняла голову, встретившись со

взглядом пронизательных темно-зеленых глаз.

Незнакомец определенно красив, и именно той небрежной легкомысленной красотой, что так нравится женщинам. Широко расставленные глаза на симметричном лице; чуть заостренные уши, будто у дальнего родственника эльфов, нос крючком, с едва заметной горбинкой; щеки худые, чисто выбритые. Лишь рот – совершенно обычный, небольшой, среднестатистический рот – выбивался из общей картины, слегка портя отличное впечатление.

– Что-то я раньше слыхом не слыхивал о всяких «свечах», – пробурчал Хмурый.

– Довольно редкая штука, – кивнул гость, – И дорогая. Использовалась, в основном, охотниками на нежить.

– Так значит, работал дедхантер? – Толстяк с превосходством оглядел товарищей.

– Я этого не утверждаю, – улыбнулся незнакомец.

– А вы кто, собственно, будете, человек хороший? – подозрительно прокаркал Главный.

Только тут до остальных дошло, что они разговорились с совершенно неизвестным лицом гражданской наружности. Парень проник в кабинет так непринужденно и естественно, что противостоять его коммуникабельности оказалось совершенно невозможно.

– Спецгвардия, – рука небрежно взлетела перед лицом жандарма, демонстрируя корочки удостоверения.

Главный изучил документ с подозрительной неприязнью,

тяжелый вздох разнесся по комнате.

– Ханс Краузе... – медленно прочитал жандарм, – Дознаватель... Штабс-капитан... Еще одна «спец»! Как будто мало нам тайной полиции с их боевиками...

Молодой человек лишь пожал плечами, повторно поворачиваясь к девушке.

Ханс опустил на корточки, жилистые ладони легли на запястья девушки, взор недовольно задержался на пластиковых кандалах. Он всматривался в лицо так внимательно, что Карина невольно смутилась, на щеки набежала краска, глаза опустились в пол.

Краузе поднялся, закончив осмотр, рука небрежно схватила со стола папку с бумагами. Уверенный взгляд пробежался по строчкам, лоб задумчиво наморщился.

– Карина Кох, двадцать пять лет, учительница начальных классов, – он взглянул на девушку, – Что вы забыли в том переулке? Впрочем, ладно. Вампир мог выбрать любого, просто не повезло.

Парень вчитывался в показания, изредка поглядывая на задержанную.

Молодая, стройная, спортивная. Одета слегка вызывающе и явно не для школы, хотя... Вот этот свитер... С такой роскошной грудью подошло бы нечто более открытое. Огромные карие глаза, где можно легко утонуть; широкий лоб, приятное круглое лицо с крохотным носиком и бледными губами. Коричневые волосы собраны в растрепанную косу, тяну-

шуюся до лопаток. Несколько непослушных прядей, выбившихся из общей массы, обрамляют розовые щеки. Ничего необычного, но в тоже время – хороша!

– Кстати, этот... охотник, – влез Худой, – Он что-то такое сказал. «Сорок восемь». Что бы это значило? Какой-то тайный код?

– Нет. Время до превращения в вампира, – Ханс печально глянул на часы, – Я бы сказал, теперь осталось тридцать шесть.

– А потом?

– Потом... Увы, Карины Кох не станет. На свет появится зверь, жаждущий человеческой крови больше всего на свете.

На минуту воцарилось потрясенное молчание, девушка тяжело сглотнула.

– Так что же, вы бабен... то есть, потерпевшую, забереете? – со скучающим видом поинтересовался Главный.

– Увы, я ничем не могу помочь, – Ханс с сожалением глянул на молодую жертву, – Мне очень жаль...

– Да ладно, чего уж... – отмахнулся Высокий, – Больно уж она невзрачная. Шалава поди.

– Во-во! – подтвердил Толстый, – Сама, небось, нарвалась? Знаем мы таких. Только и ищут приключений на свою тощую задницу!

Жандармы довольно хохотнули над незамысловатой остротой, Карина затравленно отвела взгляд за окно, Краузе сочувственно огляделся.

– Вот смотрю я вокруг, и вижу, что девушка получше любого из вас, – мягко проговорил Ханс, – А под личинами хранителей закона прячутся настоящие мрази. Не зря, похоже, ходят слухи, что местная жандармерия крышует половину теневого бизнеса. И наркотики, и оружие, и проституцию...

– Э-э-э! Паренек! – подпрыгнул Толстый, – Не шибко ли ты умный?

– Череп не жмет? – поддержал приятеля Тощий, – Схлопотать не боишься?

– Тихо-тихо, – Высокий перекрыл дорогу возмущенным сослуживцам, – Пусть себе болтает!

– А что? За такие слова можно и ответить!

– Да, мистер Краузе, – вмешался Хмурый, – Мне не совсем понятно, на чем основана ваша смелость. Не похоже, чтобы под стильной рубашкой пряталась гора мышц...

– А мне ни к чему, – с улыбкой ответил молодой дознаватель, указывая на дверь, – Вот мои мышцы!

В дверях застыл, едва вмещааясь в косяк могучими плечами, высоченный здоровяк. Под два метра ростом, заметно мускулистый, мощный, тяжелый. Из-за ворота выглядывала бычья шея; длинный кожаный плащ не мог скрыть широкой спины и богатырского торса; объемные ножищи едва влезли в джинсы; ощутимо сильные руки заканчивались пудовыми кулаками. Серьезный, испытующий взгляд небольших цепких глаз перебежал с одного жандарма на другого. Квадратный подбородок вызывающе смотрел вперед, прово-

цируя на необдуманые действия.

Главный обескураженно выдохнул, мигом поняв, кто перед ним. Хмурый как-то сразу сник, втянув голову в плечи. Зато оставшаяся тройка не унималась, упорствуя в агрессивной манере.

– Ну и что? – не унимался Толстый, – Думаешь, притащил громилу и можно безнаказанно оскорблять представителей закона?

– Большой шкаф – громче падает! – насмешливо поддержал Худой.

– Мелкая тумбочка – дальше летит, – резонно заметил Ханс.

– А ты что, Мухаммед Али? Или Брюс Ли? Оружия что-то при тебе не наблюдается! – Высокий демонстративно похвастался кобурой на поясе.

Здоровяк сделал шаг, в один момент вдруг оказавшись возле умников. С еле различимой скоростью взлетел правый кулак, потом левый. Звуки ударов слились в общий хлопок. Толстяк перелетел стол, сшибая грузным телом посуду и бумаги; Худой рухнул, проскользив по полу через весь кабинет. Никто и глазом не успел моргнуть, как две бессознательных тушки распластались на дорогом паркете.

– Ах ты сучара! – завопил Каланча, – Попробуй-ка со мной!

Он поднял руки, раскачиваясь в подобии боксерской стойки.

Громила не нуждался в повторном приглашении. Два мягких шага, едва заметный наклон корпуса – прежде чем Высокий успел среагировать, молниеносный апперкот вгрызся в его челюсть. Раздался неприятный громкий хруст, голова откинулась далеко назад, ноги оторвались от пола. Долговязая фигура перевернулась в воздухе, завершив кульбит беспорядочным падением. Бесчувственное тело раскинулось руками, из приоткрытого рта вывалились выбитые зубы.

Краузе наблюдал за представлением насмешливо-заинтересованно. Даже Карина оторвалась от созерцания улицы, чтобы насладиться быстрой расправой. Девушке импонировали эти двое – крутые, по-хорошему наглые, уверенные в себе. Один неимоверно могучий, второй неоспоримо умный. И оба – не равнодушные.

– Ну хватит! – гаркнул Главный, пристукнув кулаком по столу, – Будь вы хоть трижды из спецгвардии! Никто не может просто так избивать жандармов!

– Мы можем... – покачал головой Ханс.

Хмурый поперхнулся, привстав на стуле. Главный скрежетал зубами от еле сдерживаемой злости.

– Сегодня же отправлю жалобу главному прокурору! – прохрипел он, – Думаете, у меня нет друзей наверхушке? Посмотрим, за кого впрягутся влиятельные люди!

Краузе насмешливо вздохнул. Девушке достался еще один участливый взгляд.

– Мне жаль... – повторил дознаватель, направляясь к вы-

ходу.

– Давай-давай! – процедил Хмурый, – И песика своего захвати!

Здоровяк уже покинул кабинет, Краузе развернулся впол-оборота у самой двери.

– Мне кажется, вы не будете писать никаких докладных, – мягко произнес он.

– С чего бы? – ощерился Главный, хватаясь за бумагу, – Уже начинаю!

Краузе с заметным сожалением пожал плечами, дверь хлопнулась за спиной дознавателя.

Двое шли по коридору жандармерии. Человек среднего роста и телосложения казался карликом на фоне возвышающегося рядом великана. Щегольской наряд казался таким же неуклюжим на фоне brutального одеяния громилы.

– Вольф, тебе нужно учиться сдерживать животные инстинкты, – с улыбкой заметил Ханс, – Пока ты не покалечил... кого-то не столь омерзительного.

Здоровяк посмотрел на собеседника с иронией. Понять Краузе порой довольно трудно – то ли он говорит серьезно, то ли шутит, то ли все в одном, смешанное в жуткой пропорции.

– Я и сдерживал, – буркнул Вольф, пропуская молодого дознавателя на выход.

Улица встретила холодным ветром и противной моросью. Ханс поспешил закутаться в плащ, большой парень будто

и не заметил непогоды. Молодой парнишка-жандарм, дежуривший у входа, неуверенно отвесил честь.

– Хорошего дня, сэр.

Краузе посмотрел на постового, недовольный взгляд заметно смягчился.

– Давно тут работаешь, парень?

– Первый месяц, сэр.

– Не повезло тебе...

– Почему это? – от удивления жандарм даже проглотил свое «сэр».

Вольф, не дожидаясь товарища, уже спускался к мехмобиле. Дознаватель посмотрел на темное небо, извергающее потоки воды, на лужи, грозящие объединиться в озера, на молодого паренька, с невысказанным укором ожидающего ответа.

– Скоро узнаешь... – вздохнул Ханс, шагнув под дождь.

ГЛАВА 3

В одном из ближних пригородов Берлина – Лихтенберге – в спальном районе расположилась на отшибе неказистая пятиэтажка древней постройки. Если войти в крайний подъезд, сдерживая дыхание из-за скопившейся внутри вони, попадешь на засранную площадку. Старый скрипучий лифт, покрытый равномерным слоем плевков и окурков, поднимет на верхний этаж. Там, в самом углу, миновав заросли пустых бутылок, можно увидеть толстую стальную дверь темно-красного окраса. За монументальной преградой скрывается однокомнатная квартира уродливой планировки, обстановка которой весьма соответствует всем прочим достоинствам.

Беря эти «хоромы» в аренду, Нергал преследовал две цели. Во-первых, относительная близость от центра, вкупе с незаметностью. Во-вторых, угловая квартира на верхнем этаже должна обеспечить максимум тишины и покоя, ввиду наименьшего соприкосновения с соседями. И если первый пункт выполнялся на отлично – лучшей маскировки, чем в этом бомжатнике трудно себе вообразить – то второй явно хромал. Уже сейчас, по прошествии неполных суток, Рихтер наслушался как яростных переругиваний между семейной парой, доносившихся снизу, так и пьяных криков алкашей,

бухающих ночь напролет в соседней по этажу квартире.

Нергал давно привык к скромным условиям быта, но даже на его спартанский вкус, мебели здесь имелся самый минимум. Скрипучая кровать в комнате, стул и стол на крохотной кухне. Обстановку дополнял шкаф для посуды. Одежду пришлось оставить в чемодане, плечики с рубашками повисли на длинных гвоздях, торчащих из стены.

Вместо люстры на потолке болталась лампочка, раскачиваясь на проводе под порывами ветра. Пляшущий свет натывался на голые стены, грязные полы и задымленные потолки, создавая ощущение полного сюрреализма. Из темного толчка распространялась блевотная вонь, заставляющая держать открытым балкон, несмотря на осенний холод. С улицы доносились радостные крики пьяниц, рев мехмобилей, далекое завывание полицейских сирен – одним словом, обычная городская какофония.

Нергал знал, что все это ерунда. Внешние условия могут сломить лишь тех, кто слаб духом. *Комитос* – так пренебрежительно называли служители *хадо-хито* простых обывателей – бессмысленно живущие, бесцельно бродящие под солнцем, упивающиеся бездумными удовольствиями, глупыми страстями и сиюминутными желаниями. Лиши такого индивида хоть части привычной рутины – и он взвоет, не способный ни принять новую реальность, ни адаптироваться к непривычным условиям.

Да что там, Рихтер побывал в таком аду, что загаженная

квартира в столице Пруссии по сравнению с ним казалась поистине райским местом. А потому – нет смысла сокрушаться или предаваться отчаянию. Учение *хадо-хито* помогло выжить в преисподней, теперь же ведет через тернии к четко поставленной цели.

Чтобы вырваться из обыденности, нужно найти свое призвание – *хадо*. А потом, в его рамках определить великую цель – *хито*. Казалось бы, так просто, так очевидно, что даже трудно признаться самому себе. Абсолютное большинство не выполняют даже первый пункт, что уж говорить о втором...

Мужчина нахмурился, вспомнив о главных постулатах. Проснувшись, он уже выполнил ритуал пробуждения, теперь, следуя кодексу, можно использовать любую свободную минуту для совершенствования.

Час пролетел, потраченный на исполнение *нэйгун* – особой двигательной гимнастики, включающей как упражнения для развития гибкости, так и силовые элементы с весом собственного тела. Нергал принял душ, старательно избегая прикосновений к липким стенам ванной комнаты. Вытерся чистым полотенцем, ощущая новую свежесть и приподнятое настроение.

Мужчина уселся за стол, перед ним раскрылся толстый ежедневник. Ведение подробных планов – одна из фишек *хадо-хито*, и Нергал не понаслышке понимал, почему. Чем меньше в действиях спонтанности, тем больше целеустрем-

ленности. Дисциплина закаляет дух, выполнение дневного расписания потихоньку, шаг за шагом приближает *хито* – миссию, цель, великое свершение.

Рихтер пробежался глазами по ровным строчкам записей. Не часто удается составить ясный план, но сегодня явно тот самый день. Четкий, осмысленный, вполне определенный пункт, причем расположенный как нельзя более близко к самой сути его *хито*.

А значит – нужно действовать смело, уверенно, без опаски и без оглядки.

Закончив планирование, Рихтер выбрался на узкий балкон. Облокотившись на угрожающе покосившиеся перила, мужчина бросил взгляд на город.

Небо почернело от туч, ни единого просвета в мрачной пелене, накрывшей Берлин. Дождь сыплется вниз непрерывными потоками. Далеко, у горизонта, сверкнула первая молния надвигающейся грозы.

Внизу – тротуар, утопающий в грязи. Редкие прохожие пробираются через болото, барахтаясь в хлюпающей жиже по щиколотку. У вино-водочного магазина радостно гогочущее сборище колдырей, им непогода точно нипочем. Мрачная громада соседнего дома подмигивает редкими огнями окон, ветер приносит запахи гниющего города.

Определенно, мир летит в бездну. Чертова Пруссия катится в чертову задницу. Достаточно посмотреть на ее столицу – Берлин – и все понятно без слов. Народ выживает, из

последних сил борясь с нищетой, болезнями и безнаказанностью преступников. А власть... наживается, выдумывает новые налоги, купается в роскоши, строя прекрасный новый мир на костях человечества.

И, что еще более иронично, толпы *комитос* не спасут. Как и всегда. Что-то изменить, сдвинуть в лучшую сторону может только *тенсия* – человек, обретший призвание и цель.

Ну что ж, время пришло. Человек нашелся.

Надвигается буря и Нергал будет ее девятым валом.

Каково же было удивление учителя, когда Рихтер объяснил ему свое *хад*о – убивать. Сомнений нет, лишать жизни – единственное, что всегда получалось у Нергала лучше чего бы то ни было. Ремесло, призвание, хобби, профессия, талант в конце концов! Все соединилось в одном умении, устремлении, страсти.

Долгое время не удавалось найти достойную цель. Все решило анонимное письмо, содержащее адреса, имена, должности. Пазл сложился, за деревьями показался лес. Миссия вдруг проступила настолько отчетливо, что казалось невероятным, что он не замечал ее до сих пор.

Это даже не банальная месть, хоть и смахивает на нее. Да, Нергал отомстит тем, кто вверг его в пучину ада. Но, и это гораздо важнее, глубже – Рихтер повергнет саму страну, систему, строй, что позволяет такие издевательства над людьми.

Время пришло, *хито* обретено, а мир обречен.

Солнце давно пропало, затерялось, утонуло в хмуром ле-

гионе туч. Свет звезды пробивался до земли с трудом, лишь рассеянным блеклым вариантом самого себя. Ни единого просвета – это знак. Значит, и никакой пощады.

Нергал вздохнул. Немного тоскливо, но все же уверенно и с осознанием предстоящих трудностей. Пора! Вышел с балкона, прикидывая в уме, что одеть. Пожалуй, можно выбрать белую рубашку, как на праздник, а к ней – кроваво-красный галстук.

Мужчина собирался, повернувшись спиной к окну, а там, между тем, шальной порыв растормошил застывшее небо, горячий острый луч разрезал темные пласты, заиграв на поверхности луж всеми цветами радуги. Но убийца этого уже не видел, он шел на дело.

ГЛАВА 4

Карина продолжала неотрывно пялиться в окно. Видела, как те двое сели в старый, выдавший виды мехмобиль, и не спеша уехали. Наблюдала за прохожими, за движением на проспекте, становившимся все более оживленным. Погода не радовала, но у жителей города нет выбора – спешили кто на работу, кто с нее.

В кабинете установилась взрывоопасная атмосфера. Жандармы потихоньку приходили в себя после визита парочки из спецгвардии. Поверженных подняли, обиходили. Толстый отделался знатным синяком, Худой – легкой контузией. А вот Высокому повезло меньше. Помимо потерянных зубов, с челюстно-лицевой костью явно что-то не в порядке. То ли вывих, то ли перелом. Неудачливый боец сидел, задрав голову, трясущиеся руки придерживали норовившую отвалиться челюсть.

За всей этой суетой про девушку совсем позабыли, что ее вполне устраивало. Не пристают, не обсуждают – и то хорошо. Никакой жалости к жандармам Карина не испытывала, скорее наоборот – мрачное удовлетворение от того, как их поставили на место, макнули носом в дерьмо.

Давно хотелось в туалет, но попроситься страшно, злое внимание может вновь переключиться на нее. Девушка креп-

че сжала ноги, решив, что будет терпеть до последнего.

Далеко за окном, у самого горизонта, сверкнула молния. Разгоняя лужи высокими колесами, к жандармерии подъехал раритетный мерс. Плавные обводы крыльев, неимоверно длинный капот, стильная черно-белая раскраска – все привлекало взгляд. Мехмобиль небрежно остановился на стоянке, заняв сразу два парковочных места. Глаза фар погасли, отворилась дверца, ступня в черном лакированном ботинке опустилась в лужу, высокий мужчина прошел к багажнику. Мгновение спустя развернулся, придерживая в руке черный чемодан.

Дождь колотил по полям шляпы, капли отскакивали от плаща, увесистая ноша оттянула левое плечо вниз. Он направился к парадному, не обращая внимания на слякоть и разверзшиеся хляби.

Только теперь Карина его узнала. Она хотела закричать, но страшная судорога скрутила тело. Из рта вырвался лишь писк, немногим громче мышино. Глаза уставились на приближающуюся фигуру, мутная оторопь завладела разумом, крупная дрожь колотила конечности, кулаки сжались, ногти до крови впились в нежную кожу. Ужас подступал толчками, выгоняя сознание прочь.

Грядет сама неотвратимость. Судьба, возмездие, фатум. Этот мужчина... слишком страшен, чтобы быть простым человеком. Даже если старуха-смерть встретилась бы с ним на узкой дорожке, леди с косой почтительно отступила бы в сто-

рону, пропуская вперед нечто более ужасное.

Нергал легко взбежал по ступеням, дорогу убийце преградил молодой постовой. Девушка не могла слышать слов, не увидела и удара. Она с содроганием наблюдала, как паренек повалился на мокрый камень с окровавленным лицом.

Далеко в коридоре раздались грохот, шум, удивленные крики. Девушка оторвалась от созерцания улицы, с трудом переведя взгляд внутрь кабинета. Опять грохот, надсадный вопль, хлопки, напоминающие гром.

Жандармы не обращали на шум особого внимания, с головой погрузившись в более насущные проблемы. Карина сжалась в комок, стараясь стать маленькой, незаметной.

Гром раздался ближе, девушка явственно различила череду выстрелов. Крик адской боли разнесся над жандармерией, заглушая все остальные звуки.

– Что там за чертовщина? – недовольно поднял голову Главный, – В допросной совсем стыд потеряли? Нужно заказать новую звукоизоляцию.

Только Карина понимала, что приближается неминуемая гибель.

Канонада выстрелов загремела совсем рядом, чуть ли не за дверью. За ней последовал звук падения чего-то тяжелого.

– Да что за хрень? – рявкнул Хмурый, – Не дают спокойно работать. Перестрелка?

– Ага, гномы-говночисты взбунтовались! – гыгыкнул Толстый.

Все пятеро заржали удачной шутке.

– Грэг, Стэн, идите проверьте, – Главный кивнул на дверь.

Толстый и Тонкий недовольно поднялись, бурча под нос сдержанные ругательства. Вальяжной походкой королей жизни прошествовали к выходу. Тонкая дверь едва успела закрыться за спинами сослуживцев.

Бум! – грохот выстрела ударяет по ушам, заставив подскочить на стуле. Грузное тело вкатывается внутрь, сшибая мебель. Вместо головы – фарш из костей, крови и разбитых мозгов. Бум! – повторный удар сотрясает помещение. Худосочный напарник летит ничком с раскуроченной грудной клеткой. Кровища хлещет из порванной артерии, заливая все вокруг красным дождем.

Дверь слетает с петель, не выдержав напора. В комнату входит смерть в человеческом облики. Высокий широкоплечий мужчина в развивающемся плаще. Белая, идеально выглаженная рубашка, мастерски завязанный галстук и брюки со стрелками придают фигуре небывалую помпезность. В одной руке болтается черный чемодан, в другой дымится чудовищное оружие. Взгляд светится злым желтым огнем, прожигая насквозь, заставляя почувствовать себя полнейшим ничтожеством.

Не останавливаясь, мужчина выходит в середину комнаты. Чемодан с глухим стуком падает на пол, на его месте в ладони тут же возникает сверкающий кастет. Пулевик ныряет в кобуру, из-под полы плаща появляется сталь гномьего

тесака.

Высокий вскакивает и получает удар. Кастет вгрызается в лоб, долговязое тело с неожиданным ускорением перелетает комнату, стена сотрясается, приняв на себя натиск мертвеца. Труп падает, голова неестественно болтается на переломанной шее. Удивленный взгляд навсегда застывает на ошарашенной физиономии.

Хмурый тянется к пулевiku, но ладонь едва успевает обхватить рукоять. Широкий молниеносный взмах – голова жандарма отделяется от тела, откатываясь к ступням Карины. Девушка подтягивает ноги, желая держаться подальше от нежданного подарка. Из обрубка шеи бьет алый фонтан, окрашивая потолок и стену липкой продрысью. Безголовый стан валится вниз содрогающейся грудой плоти.

Главный стреляет, направив оружие в грудь врагу. Мужчина вздрагивает, но больше никак не реагирует на попадание. Он надвигается неумолимой тенью. Жандарм прыгает, взмахивая ножом, пришелец играючи уклоняется.

Взмах – отсеченная ладонь с зажатым оружием летит прочь. Крик еще не успевает родиться в глотке, как второй удар сносит ногу чуть выше колена. Жандарм падает, тесак взлетает в заключительном пируэте. Свист воздуха, блеск стали, голова Главного взрывается, разрубленная пополам. Обезображенный труп рушится, нелепо извернувшись. Омерзительная каша мозгов вытекает на пол.

Кровь заливает кабинет, напоминающий теперь не офис,

а натуральную бойню. Стоит дикий визг – Карина кричит, не в силах остановиться. Только теперь, когда все кончено, она закрывает рот, наступает жуткая тишина.

Нергал аккуратно перешагивает подергивающийся труп, направляясь к девушке. Та смотрит на приближающегося убийцу, сжимаясь в комок. Пара шагов, Рихтер рядом, женщина следит, не отрываясь, ее голова болтается из стороны в сторону в жесте всеобъемлющего отрицания. Губы беззвучно шепчут: «Нет! Нет! Нет!»

– Какого хера ты тут высиживаешь? – презрительно-пренебрежительный тон разом отрезвляет.

Тесак взлетает вверх, девушка зажмуривается, стараясь закрыться связанными руками.

Холодная сталь обжигает запястья. Вскрикнув, Карина открывает глаза. Кандалы валяются на полу, срезанные с невероятной легкостью. Ноги тоже свободны.

– Тридцать пять! – обжигающий взгляд Нергала пробегает по девушке, нагоняя очередную порцию дрожи.

Он уже в центре комнаты, возле своего чемодана. Ладонь хватается за ручку, та поворачивается особым образом. Слышен громкий щелчок и устрашающее жужжание.

Кастет исчезает в недрах плаща, равно как и тесак. В руках убийцы появляется громадный пулевик. Карина смотрит во все глаза, не веря в реальность происходящего.

Шестиствольный монстр переламывается пополам, на пол с мелодичным звоном валятся стреляные гильзы, новая

обойма ныряет в барабан, оружие с едва слышным хрустом защелкивается.

Нергал шагает, не оборачиваясь, смертоносная фигура исчезает в коридоре.

Секунду девушка смотрит на темный дверной проем, проглотивший убийцу. Потом срывается с места, неуверенно оскальзываясь на затекших ногах. Она торопится следом за невольным спасителем.

Едва выскочив в коридор, Карина натывается на труп. Задержав дыхание, перешагивает изувеченное тело. Нергал шагает впереди, как настоящий бог смерти, войны и разрушения. Слышатся выстрелы слева, девушка нагибается, встречаясь взглядом с очередным мертвецом. Крик ужаса вырывается из горла помимо воли, она ползет дальше на четвереньках.

Рихтер понимает оружие, ужасающий по мощи залп разносит стену вместе с укрывшимися жандармами. Дерево, камень, плоть, кровь – все смешалось, раздробленное разрывными пулями. Грохот, крики, вой, стоны, стоит оглушительный диссонанс, уничтожающий слух. Убийца не останавливается. Щелчок – дымящиеся гильзы катятся по полу; секунда – оружие вновь готово к бою.

Грохот справа, пули свистят над головой, Нергал падает, уходя в плавный кувырок. Голова еще только поднимается, а пулевик уже указывает на цель. Палец жмет на спуск, из раскаленного ствола вырывается пламя, беспощадная пуля

рвет плоть очередной жертвы. Три выстрела, кувырок, еще очередь. От грохота болят уши, слышатся страшные крики боли и отчаяния. Рихтер на ногах, пальцы сами собой делают давно заученные движения, обойма в оружии, боевая готовность.

Карина ползет следом, не поднимая головы. Стоит лишь оторвать взгляд от пола, как он натывается на мертвеца. Поэтому лучше смотреть прямо перед собой, не оглядываясь. Девушка больше не кричит, она слишком подавлена. Все, на что бедняга способна в данный момент – стараться не отставать от ополоумевшего убийцы.

У выхода толпа жандармов. Они дают дружный всесокрушающий залп. Пули выбивают крошку из камня, дробят стены, визжат рикшетами, но они не в силах причинить урон заговоренному. Нергал за каменной колонной, губы морщатся в презрительной усмешке.

Конечно, у этих идиотов патроны кончаются одновременно. Выстрелы разом замолкают, черная фигура выскальзывает из укрытия. Шаги приближаются неудержимой поступью; вспышки выстрелов сверкают одна за другой; стволы пулевика проворачиваются, по очереди озаряясь адским огнем; грохот сливается в непрерывный гром; плащ развивается сзади непроглядной черной тенью.

Шесть выстрелов. Нергал смещается за следующую колонну, убитые падают среди живых, отборная матерщина перемежается криками ужаса. Дула пулевика светятся раска-

ленным металлом, из барабана вырывается целое облако дыма. Пол засыпан гильзами, девушка пробирается между ними, обжигая ладони.

Беглый огонь возобновляется, на этот раз отнюдь не столь дружно. И затихает, не успев набрать обороты. Нергал вырывается на свободное место, раскаты монструозного пулевика легко перекрывают пуканье жандармского оружия. Убийца шагает легко, на мрачном лице моргают отблески выстрелов, горящие глаза и не думают моргать. Кажется, взгляд заряжает ненавистью каждую выпущенную пулю, удесятерая ее силу и убойность.

Последний защитник умирает с рваной дырой в груди. Рихтер перешагивает труп, распахивая входную дверь.

Филиал ада открылся на земле, Карина ползет сквозь бойню, судорожно вздрагивая. У выхода натывается на груды покойников, лежащих впережку друг с другом. Ее бы давно вывернуло на изнанку, но, к счастью, желудок пуст. Безостановочные спазмы скручивают тело, пока девушка проталкивается к двери, изо всех сил стараясь не задеть мертвецов.

Дождь разом освежает, холодный ветер врывается, как долгожданный вдох после продолжительного нырка. Нергал спускается по ступеням крыльца, небрежно раскидывая носки туфель в стороны.

Путь преграждает молодой дежурный. Окровавленное лицо искажено страхом, но тощая рука упрямо тянется к убийце. Рихтер шутя отстраняет преграду, зверский пулевик под-

нимается, врезаясь раскаленными дулами в физиономию паренька. Крик адской боли взлетает к небу, жандарм падает, зажимая ладонями ожог на пол-лица.

Дверь хлопает повторно, выпуская на улицу Карину. Дикие глаза блуждают, девушка едва осознает происходящее.

Убийца спокойно идет к машине, женщина срывается с места и бежит следом, постовой жалобно скулит на камнях лестницы.

Нергал уселся за руль, двигатель с готовностью загудел, пальцы слегка подрагивали, ухватившись за руль. Хоть никакого волнения нет и в помине, но адреналин все же подействовал, тело отнюдь не железное.

Скрипнула дверца, на пассажирское сиденье упала девушка. Взгляд просто безумный; хорошо заметный след вампирского укуса расплывается синяками на бледной шее; и без того короткая юбка безбожно задралась, демонстрируя борта чулок на худых стройных ножках; зубы стучат, отбивая чечетку с завидной скоростью; ладони дрожат, как у припадной, но руки упрямо пытаются вставить ремень безопасности в защелку.

Недоуменный взгляд смерил неожиданную попутчицу, Рихтер равнодушно пожал плечами. Шины взвизгнули, разбрызгивая грязь, мехмобиль послушно вылетел на дорогу.

Жандармерия еще не исчезла из зеркала заднего вида, когда грянул взрыв. Машину подкинуло, замотало из стороны в сторону, Нергал с трудом удержал мехмобиль на

проезжей части. Двухэтажное здание вспыхнуло ярким пламенем; в стороны полетели огрызки стен и крыши; окна разом выстрелили стеклянной крошкой вперемежку с огнем. Несколько секунд строение горело, озаряя окружение неестественно ярким светом, а потом вдруг сложилось, как карточный домик под дуновением ветра. Главная жандармерия Берлина перестала существовать вместе со своим личным составом.

Дождь заливал стекла машины, сквозь водную пелену огни взрыва казались странной отдаленной картинкой, игрой зрения, чудесной, вполне безобидной иллюзией. Карина зажимала рот обеими руками, силясь сдержать крик ужаса.

ГЛАВА 5

Гнев главного прокурора Республики обрушился на Ханса со всей необузданностью, присущей чиновнику подобного ранга. К счастью, Краузе хорошо осознавал, что грозные слова и несдержанные эмоции направлены не против него лично. Просто немного не повезло, так сложилось, что молодой дознаватель первым попал под раздачу, приняв на себя главный удар разбушевавшегося законника. А потому парень сносил угрозы и ругань стоически, не принимая их близко к сердцу.

– Как такое вообще возможно!? – вопил прокурор, с трудом переводя дыхание, – Что за супер-боец!? Входит один в здание центральной жандармерии, перестреляв всех внутри, взрывает здание к такой-то матери! Это что, анекдот или сюжет для молодежного комикса!?

Дисмас дель Боско, один из главных помощников канцлера, занимал пост прокурора не первый год. Довольно нервный человек, склонный к резким необдуманным словам и поступкам. Высокая должность расшатала и без того не идеальную психику, превратив чуть взбаламученного мужчину в беспомощную истеричку, срывающуюся на крик при любом удобном случае.

– Почему молчишь, щегол! – новая порция крика заста-

вила дознавателя поморщиться, – Отвечай, что происходит в моем городе?!

Ханс устало пожал плечами, пропустив мимо ушей очередную дозу оскорблений.

– Действовал профессионал...

– Ежу понятно, что профессионал! У нас тоже не первокурсники работают! – взвился прокурор, – Придумай что-то пооригинальней! На кого работает? Чем вооружен? Свидетели нападения остались?

– Свидетель имеется, – скривился Ханс, – Молодой парень, постовой, сейчас лежит в реанимации. На лице... характерный ожог, оставленный шестиствольным пулевином гномской работы. Даже эмблема пропечаталась, «ГГ» в центре.

– И что, мать твою, за «ГГ»?!

– Гималайская гильдия. Значит работа штучная, ручная, и, наверняка, баснословно дорогая.

– Да мне насрать!...

Краузе отстранился подальше, переживая очередную вспышку ярости. Прокурор рвал и метал, брызги слюны летали далеко за пределом рабочего стола.

– Хорошо! Допустим, убийца вооружен до зубов, – рявкнул дель Боско, чуть успокоившись, – Но ведь он пришел не в швейный магазин и не в булочную! У жандармов что, нет табельного оружия?

– Я предполагаю, что у нападавшего имелась кольчуга...

– Что-о-о-о?! – глаза прокурора налились кровью, как у быка на корриде.

Он приподнялся над столом, приготовившись разорвать оппонента в клочья.

– ...кольчуга из адамантия, – мягко закончил Ханс.

В кабинете воцарилась тишина, дель Боско откинулся в кресле, разом растеряв всю воинственность.

– Кольчуга из адамантия... – совершенно спокойно повторил он, – Ты хоть знаешь сколько она стоит? Я и сам, когда-то, мечтал прикупить такую. Да только для этого пришлось бы продать полгорода, если не весь целиком.

– Как показывает практика, подобные вещицы дороже любых денег, – кивнул дознаватель.

Прокурор задумчиво покивал. Немолодое тело вскинулось на ноги, ступни прошаркали по мягкому ковру, прикрывшему идеально гладкий паркет. Распахнулся шкаф, звякнула бутылка со старинным портвейном. До Ханса донесся запах элитного алкоголя.

Кабинет чиновника впечатлял. Сам по себе особняк, расположенный в престижном уголке Берлина, вызывал оторопь при взгляде на стоимость. Ну а личные рабочие покои прокурора являлись, возможно, лучшей частью двухэтажного дворца.

Широкую комнату почти полностью занимал длинный стол красного дерева, с вкраплениями слоновой кости и драгоценных камней. От позолоты слезились глаза, яркие лам-

пы освещали самые дальние уголки помещения. Одну стену целиком занимали полупрозрачные окна, с зеркальной поверхностью снаружи. Чужеродные звуки отрезаны, как ножом – явно не обошлось без магического подавления. Слышится только успокаивающее тиканье великанских механических часов да еле заметный звук работающего кондиционера. Последний, кстати, создает приятную прохладную атмосферу, насыщая воздух запахом свежести и незнакомой парфюмерии.

– Послушай, э-э-э...

– Ханс Краузе.

– Да. Так вот, послушай внимательно, – прокурор вновь уселся на свое место, закинув ногу на ногу, – Когда советник Рино уговорил меня дать добро на создание еще одной «спецгвардии», я, признаться, рассчитывал на э-э-э... чуть большую ее эффективность.

Чиновник помолчал, дожидаясь ответа, но тщетно. Дознаватель молчал, стоя с непроницаемым выражением лица.

– Одним словом, молодой человек, – вынуждено продолжил дель Боско, – Я даю вам карт-бланш в этом деле. Решите вопрос – спецгвардии быть. Нет – будете до конца жизни регулировать движение на ближайшем перекрестке!

Краузе склонил голову, ответ прозвучал звонко и слегка дерзко.

– Я вас понял, господин прокурор. Решим проблему в наилучшем виде! – глаза дознавателя блеснули неприкрытой

иронией, – Можете не сомневаться, спецгвардия просуществоует очень долго!

Когда молодой человек покидал кабинет, дель Боско проводил гостя недовольным взглядом. Раньше молодежь явно проявляла больше почтения к представителям власти! А недостаток уважения исправлялся розгами и денежными взысканиями. Слишком много свободы дали безусым юнцам! Зато теперь у каждой твари имеется свое мнение, да еще не стесняются его выставять напоказ перед уважаемыми людьми! Ну ничего... Время придет, не лишним будет обсудить данный вопрос с канцлером. Гайки-то чуть поприподкрутили, но можно ведь и поприподзакрутить!

Главный прокурор протянул дряблую руку к телефону, трубка уткнулась в ухо, зазвучали длинные гудки. Чиновник не привык ждать, но прошло добрых пару минут, прежде чем на том конце провода ответили.

– Кроу? Приветствую, Александер, – с притворной теплотой в голосе залепетал дель Боско, – Да, по делу. Появилась небольшая проблемка. Все вроде решаемо, но вот знаешь, гложет что-то... Предчувствие какое-то дурное не отступает. Ага! Команда твоя в городе? Ну и хорошо, держи наготове. Договорились! Ну все, бывай!

Прокурор положил трубку, лицо законника обрело подобие успокоенности. Первые шаги предприняты, можно понаблюдать за дальнейшим развитием событий с безопасного расстояния.

Дознаватель спецгвардии Ханс Краузе вышел на улицу, дверь особняка захлопнулась за спиной, четко разделив две реальности – мир золота, достатка, праздности и мир грязи, дождя, обреченности. Даже здесь, в элитном районе города, погода и мрачный настрой брали свое. По тротуарам неслись потоки воды, забитые сливы не справлялись с потоком; проезжая часть превратилась в озеро; новая плитка, казалось бы, уложенная совсем недавно, успела покоситься, вспучиться, кое-где через стыки пробивалась жухлая трава. Сверкнула молния, в отдалении прогремел гром.

Захотелось закурить или, на худой конец, выпить. Вместо этого молодой человек смачно сплюнул под ноги. Впереди предстояла целая куча дел, и все не особо приятные. Сбор улик, опрос возможных свидетелей, написание отчетов, очередной виток игры на два фронта. Но, среди всей этой рутинной обязаловки, имелось и одно поручение, выполнение которого принесет истинное удовольствие. Нужно зайти на почтамт, отправить пару телефонограмм.

ГЛАВА 6

Карина плакала. То тихонечко скулила, наматывая сопли на кулак, то рыдала в голос, некрасиво распахнув рот и издавая громкие завывания. Может, начался резкий отходняк от нервного потрясения; может, накатил очередной виток истерии. В мехмобиле, по дороге на квартиру, она болтала без умолку, выложив спутнику чуть ли не всю свою жизнь подчистую. Слушал ли он? Девушка сомневалась. В ответ с трудом выпытала лишь имя – Нергал. Даже эти звуки нагоняли суеверный страх, не говоря уж о внешности убийцы.

Суровый, brutальный, он внушал невольное уважение силой и властностью фигуры. Руки, испещренные сеткой шрамов, навевали мысли о... ножевых боях? Плащ хранил следы многочисленных попаданий, не причинивших особого вреда ни добротной вещи, ни ее владельцу. Когда убийца снял шляпу, Карина с содроганием заметила на абсолютно лысой голове столбики вытатуированных рун. Глаза, до этого горящие желтым огнем, потухли. Теперь из них струилось серое равнодушие.

Почему она увязалась за Нергалом? Пока тело жило своей жизнью, корчась в слезах и стенаниях, у Карины имелось время немного подумать.

А куда ей, собственно, еще идти? Домой? В школу? К лю-

бовнику? Вот уж кто точно будет «рад» не окуклившемуся вампиру. Нет! Нельзя рисковать жизнями людей, особенно детей. Когда она станет упырем, охотник... позаботится, чтобы чудовище не причинило никому вреда.

В жандармерию она не вернется ни при каких обстоятельствах, это точно. Девушка могла бы пойти с теми двумя из спецгвардии, но... Они тоже не помогли, бросили, оставив на произвол судьбы. Ограничились лишь проявлением сочувствия, что в данных обстоятельствах отдавало неприкрытой издевкой.

Как ни странно, в мире остался лишь один человек, принимавший будущего вампира без содрогания – охотник, убийца, мрачный и бесчувственный Нергал Рихтер.

Крошечная кухня, втиснувшаяся в замызганную квартиру, порадовала лишь одним стулом. Его занимал хозяин жилья, с аппетитом поглощавший незамысловатый ужин. Карина сжалась в комок, усевшись на корточки у окна. Рыдания сотрясали девичье тело, лицо раскраснелось от слез, волосы растрепались. Она старалась стать маленькой и незаметной, но трудно добиться подобного результата, когда из уст сам собой вырывается жалостливый плач.

Мужчина смотрел на скуксившуюся барышню весьма неодобрительно: типичная *комитос*. Глупая, нелепая, ничемная. Жить девушке осталось чуть больше тридцати часов, но она упрямо тратит бесценное время на бессмысленные завывания! Так предсказуемо и характерно для того, чье

существование бесцельно...

Нергал на секунду оторвался от еды. Низкий голос прозвучал пощечиной, презрительный тон заставил Карину вздрогнуть.

– Прекрати ныть!

На несколько секунд подействовало, девушка застыла, боясь пошевелиться. Но потом ее прорвало.

– Почему ты такой черствый, бессердечный, бесчувственный?! Я умираю, моя жизнь разрушена, окончена! Все валится к чертям! Никакой надежды не осталось! Я стану вампиром, буду рвать в клочья тех, кого раньше любила! Из всех слов утешения и поддержки ты смог выбрать только «не ной»?

Рихтер мог бы сказать многое... Про то, что жизнь девушки и раньше была лишена всякой цели, а потому – бессмысленна. Ее не станет, но ничего не изменится. Уйдет одна, придут другие. Ценны лишь те, кто обрел *хито*, кто живет ради большой миссии. Их преждевременный уход может опечалить, ровно как и невыполненное предназначение. Жизнь обывателя – капля в море.

Впрочем, Нергал знал, что подобный разговор ни к чему не приведет, а потому не стоит его и начинать. Трудно объяснить необходимость цели тому, кто привык все жизнь просто существовать. К *хад*-*хито* нужно прийти, ее невозможно объяснить, навязать. Учитель мог бы попробовать... Нергал – нет. Коммуникации – не его стиль.

– Быть может, я умру раньше тебя, – он посмотрел все также сурово, в равнодушном голосе не появилось ни капли сочувствия, – Но это не повод выглядеть, как жалкое расхлябанное дерьмо!

Мужчина резко поднялся, схватив девушку за руку. Карина слабо сопротивлялась, пока ее тащили в ванную комнату. Нергал затолкнул женщину внутрь миниатюрного санузла, не обращая внимания на попытки вырваться.

– Посмотри на себя! – рявкнул он, указывая на грязное зеркало, спрятавшееся в стене.

Карина помимо воли глянула на мутное отражение.

Глаза покраснелись от слез, волосы похожи на метелку, губы перекошены, под носом – следы высохших соплей. Одежда грязная, в пятнах. Взгляд дикий, затравленный. Видок тот еще, как у уличной оборванки.

– Какая теперь разница...

– Тебе все равно, как ты выглядишь? – грозно прикрикнул мужчина, – Значит, ты не уважаешь себя! Раз не уважаешь себя, то не уважаешь и меня! А раз так, с чего мне вообще с тобой разговаривать!?

Карина съежилась, втянув голову в плечи. Его напор подавлял, учительница вдруг почувствовала себя маленькой девочкой перед злым, но мудрым наставником. На глазах выступили новые слезы, страх пронзил с ног до головы, в ванной раздалось обиженное сопение.

– Приведи себя в порядок! – приказал Нергал.

Дверь ванной захлопнулась.

Девушка вернулась на кухню спустя полчаса. Во внешнем облике, да и в настроении, произошли разительные перемены к лучшему. Она больше не плакала, холодная вода освежила кожу, на личике застыло испуганное, но решительное выражение. Поправила прическу, привела одежду, насколько это возможно, в опрятное состояние. Теперь Карина походила не на жертву упыря, а на обычную, сильно уставшую женщину после долгого рабочего дня.

Нергал указал на стул. В тарелке дожидалась порция съестного, желудок девушки взвыл от радости, предвкушая насыщение. Сиденье скрипнуло, Карина набросилась на еду, мужчина отошел к окну, повернувшись спиной.

Непогода лишь усилилась на ночь глядя. Город пережил день, как намек на нормальность, но теперь опять с уханьем катился под гору, в грязную, полную нечистот яму. Огни гасли один за другим, тьма овладевала и без того мрачными проспектами, бульварами, улицами и переулками, проездами и едва заметными закутками. Дождь колошматил по стеклу, капли рисовали уродливые узоры. Издалека донеслось тоскливое завывание стаи бродячих собак. Где-то внизу привычно ругались соседи; алкаши сегодня, на удивление, вели себя смирно.

Рихтер заговорил тихо, задумчиво, проникновенно. Девушка содрогнулась, столько боли и невысказанных страданий почудилось в голосе.

– Есть базовые правила, правила выживания, – слова прозвучали веско, как откровение свыше, – То, что отличает человека от скота; то, что дает силу уцелеть там, где прочие погибают. И не просто уцелеть, сохранить душу, рассудок, если угодно – честь и совесть. Побывав в аду, понимаешь ценность простых вещей и действий, незамысловатых ритуалов и привычек...

На секунду мужчина запнулся, непрошенные воспоминания нахлынули волной.

– Ухаживай за собой. Всегда будь на сто процентов в отличной форме. Особенно, если никто не заставляет! Умывайся, чисти зубы, брейся, расчесывайся! Занимайся спортом. В этом суть, именно здесь проявляется воля. В любой ситуации оставайся человеком, а не зверем. Лишь тогда получаешь шанс жить, именно жить полноценной жизнью, а не ее бледным суррогатом.

Он замолчал, девушка поняла, что краткая лекция окончена. Странно слышать моральные наставления от убийцы, несколько часов назад отправившего на тот свет несколько десятков людей. И все же... В нем чувствовались сила и дух, уверенность и некая фанатичность. Возможно, именно Нергал имел право говорить подобные вещи.

Карина отодвинула пустую тарелку, мужчина обернулся. Оценивающий взгляд пробежался по девушке с ног до головы, она поежилась, на щеки набежала краска. Рихтер опустил ладонь на стол, звякнул металл. Рука отошла в сторону,

на столешнице осталась лежать крупная монета неправильной формы.

– Знаешь, что это?

Женщина медленно кивнула. Желтый чуть стиснутый кружок из чистого золота, с грубой резьбой на поверхности. Гравировка гордого лица в профиль, на обратной стороне должны быть гербы четырех королевских семей.

– Имперский гульден...

– Знаешь его цену?

Опять кивок. Древние золотые монеты давно не в свободном ходу, лет триста как, а то и более. Но археологическая, коллекционная ценность велика. И это если не учитывать стоимость собственно драгоценного металла.

– Представляю...

– Боюсь, не представляешь, – Нергал сдержанно усмехнулся, – Но, в любом случае, мне нужен секс...

Карина испуганно ойкнула, стул скрипнул по полу, когда девушка вскочила на ноги.

– В чем дело? – удивился Рихтер, – Ты сама рассказала, что подрабатываешь проституцией.

– Нет! Я не шлюха! – она пятилась, насколько позволяла крохотная кухня, – Я... ходила на свидание за деньги.

– Что-то не улавливаю разницы... Впрочем, я спас тебе жизнь. А это гораздо дороже любых денег, не находишь?

– Нет... Я не могу...

Сильные руки в миг заграбастали девушку, распластав на

столе. Нергал грубо задрал юбку, крохотные трусики сдернулись вниз, девушка вскрикнула, когда он резко вошел в нее. Мужские ладони обхватили груди, грубо сжав через свитер, он задвигался с размеренностью и силой отбойного молотка. Карина сморщилась, на глазах навернулись слезы. Слишком большой, слишком дикий, слишком настойчивый... А потом стало даже немного приятно.

ГЛАВА 7

Раннее утро в одном из центральных спальных районов Берлина выдалось, как и обычно, тихим, спокойным, безжизненным. Непроглядная мгла сменилась рассеянной полутенью, плотные тучи привычно проглотили восходящее солнце, противная морось вкупе с ледяным ветром не позволяли высунуться из дома. Ни единого прохожего, да что там – огни в окнах можно пересчитать по пальцам, и второй руки не потребуется...

Тем удивительнее выглядел раритетный мехмобиль, с утра пораньше подъехавший к обычному двухэтажному таун-хаусу. Черно-белый мерседес мигнул фарами, остановившись неподалеку от входа, двигатель замолчал, дворники последний раз смахнули воду и застыли без движения.

Нергал откинулся на сиденье, рассматривая паспорт убитого вампира. Судя по документам, он жил именно здесь, прописка вполне официальная, адрес совпадает. А как показывает практика, кровососы по одному не селятся. Сложно им привыкать, нужно, чтобы вокруг были свои. Значит – в доме натуральное упыриное гнездо, как минимум еще одна нелюдь точно.

Другой вопрос – здесь ли постояльцы в данный момент? Девяносто процентов, что да. Раннее утро, нормальные лю-

ди-то еще дома сидят, а у вампиров как раз закончилась пора активности – ночные твари – теперь, очевидно, время для отдыха. Тем более, после исчезновения дружка они должны бы затаиться.

Рихтер взгляделся в экстерьер дома – ничего необычного. Впрочем, как и должно быть. Эти твари осторожные, там, где живут – не гадят. Будут вести себя тихо, как мышки, пока зайца не схватят.

В душе привычно заклокотала ненависть, раздумья кончились. Решение созрело твердое и окончательное – нежить не должна жить.

Распахнулся небольшой саквояж на пассажирском сиденье, оттуда показался потертый кожаный футляр. Нергал раскрыл пенал, внутри – два инъектора. Шприц переключался на ладонь охотника, на прозапас остался лишь один.

Рихтер старался не думать о цене препарата, как и о его редкости. Достать такой не просто, а по нынешним временам так и вовсе граничит с невозможностью. Былые умельцы пропали, повывелись, попрятались. Так и приходится довольствоваться старыми заготовками.

Левая рука вылезла из плаща, мужчина аккуратно закатал рукав белой рубашки. Все предплечье занимала темно-красная татуировка из концентрических окружностей со сложным узором внутри. *Наручи Одина*. Охотник поморщился, вспомнив, что пришлось отдать за нанесение магического штампа. С другой стороны – печать окупилась, не раз спасая

от неприятностей. Да и в будущем...

Нергал затянул импровизированный жгут из плотного шнура, кулак несколько раз сжался, вены выступили под кожей синеватой вязью. Инъектор прижался к сосуду, быстрый укол, сильная боль расплзлась по руке, медленно поднимаясь вверх, к груди.

Пять минут, и эффект проявится. Обычное зелье дедхантеров, предназначенное для схватки с вампирами и прочими представителями нечеловеческой братии. Дает силу, скорость, реакцию, обостряет чувства. Про побочное действие лучше и не вспоминать... Рихтеру доводилось видеть индивида, допустившего передозировку – закончил он крайне нелицеприятным сгустком плоти. Как и всегда в этом мире – то, что многое дает, многое и забирает взамен. Хочешь эффективности в бою – будь добр отплати с процентами, вплоть до полного разложения организма в мясное желе. Впрочем, Нергалу столько всякого дерьма приходилось колоть по молодости, что одна сыворотка сверху особой роли не сыграет.

А вампиров нужно уничтожать любой ценой. И обычный человек тут тупо не вытянет. Самый завалящий упыренок легко раскатает любого охотника, будь тот хоть трижды чемпионом. За счет банальной скорости, запредельной силы, острых клыков и когтей. Чтобы уравнивать шансы, приходится доводить организм до пределов возможностей.

В просторном холле, за широкой фанерной конторкой,

восседала консьержка, молодая девушка с красными волосами и веснушчатой физиономией. Рот размеренно проделывал жевательные движения, глаза не отрывались от яркой книжки в мягком переплете. Рука подпирала голову, клонящуюся на бок из-за подступающей сонливости.

Бухнула дверь, внутрь вошел жуткий тип в шляпе и длинном плаще. Двигался пришелец странно – как-то дергано, замедленно, будто сдерживаясь, чтобы не побежать. Оглядевшись, направился прямо к девушке. Взгляд прожег желтизной неестественно ярких зрачков. Под тяжелыми шагами скрипнули половицы, в комнате разом похолодало, консьержка поежилась, сжав ноги в короткой юбке.

За время, пока Соня тут работала, насмотреться пришлось всякого. Испугать девушку необычным видом теперь довольно трудно. Пусть работа порой нервная и жуткая до дрожи, зато платят хорошо...

Гость остановился вплотную у стойки, горой нависая над девушкой.

– Список жильцов! – приказ заставил дернуться к журналу, но Соня вовремя опомнилась.

– Это конфиденциальная инфо...

Девушка замолчала, потому что в ее лоб уперлось дуло монструозного пулевика. Глаза консьержки усиленно скосились внутрь, стараясь рассмотреть оружие...

Теперь Соне стало по-настоящему страшно. Глаза незнакомца полыхнули адским пламенем, палец на спусковом

крючке заметно напрягся. Девушка со всей определенностью осознала, что ее жизнь для убийцы не значит ровным счетом ничего. Ноги предательски задрожали, мочевого пузыря напомнил о себе резкой болью... Руки без колебаний положили на стойку требуемый документ.

Шестиствольный пулевик отлепился от головы, оружие небрежно легло возле тетради. Нергал открыл журнал, взгляд пристально пробежался по именам. Так и есть – четверо жильцов. Один, тот, что встретился в переулке – уже труп. Остальных сейчас проверим.

– Тут живые, кроме тебя, вообще, есть? – равнодушно поинтересовался Нергал.

– В смысле?

Мужчина вздохнул. Не понимает.

– Никогда не замечала за жильцами ничего необычного?

– Еще бы! – девушка заметно осмелела, поняв, что убивать ее прямо сейчас не будут, – Знаешь, сколько тут необычного дерьма случается? Ты вот, например... Светящиеся глаза пугают до усрачки! Как такие сделать?

Рихтер покачал головой, оглядываясь, ладонь вновь накрыла пулевик. Она всего лишь подросток, и, как все подростки – непосредственная, что видит, то и говорит.

– Вступай в гильдию охотников, там сделают, – усмехнулся мужчина.

– Охотников на кого?

Рука взлетает вверх, оружие прыгает в растопыренные

пальцы, гремит оглушительный выстрел, девушка заметно вздрагивает. В нескольких метрах от конторки, прямо из воздуха материализуется тело с раскуроченной вдребезги головой. Прямо вот так, мгновение назад ничего не было, только пустота, и вот – на пол валится труп, забрызгивая окрестности вязкой зеленоватой жидкостью.

– На таких вот тварей, – спокойно отвечает Нергал.

Соня всегда считала себя девушкой с исключительно крепкими нервами, но сейчас ей резко плохеет. Разом подсакивает давление, сердце выпрыгивает из груди, зрение плывет, ощущение реальности дает сбой. В комнате, где до этого пахло исключительно стерильной уборкой, теперь пованивает потом и страхом.

Охотник осматривается, шагая в дверной проем. В следующий миг раздается звериный рык, мужчина вылетает из прохода, отброшенный дьявольским ударом, тело врезается в хлипкую конторку, фанера разлетается в щепы. Девушка едва успевает отпрыгнуть, чтобы не попасть под раздачу. Тело незнакомца валяется перед ней, шляпа улетела прочь, голова покоится ровно между ног консьержки. Желтые глаза открываются, губы кривятся в усмешке. Соня визжит и отпрыгивает, прикрывая промежность.

– Неплохой вид, – Нергал поднимается на ноги, отряхиваясь.

Рубашка на груди изорвана в клочья, под белой тканью поблескивает металл кольчуги. В дверь медленно входит вам-

пир. Теперь уже никаких сомнений – натуральный упырь, с клыками, когтями, глаза на выкате. Во взгляде – безумие и жажда убийства.

– Молись, охотник! – рычит он, срываясь с места.

– А я не верующий, – мрачно отвечает Рихтер.

Пулевик гремит выстрелами, дула, одно за другим, изрыгают пламя, грохот сливается в оглушительный гром. Вампир несется по периметру комнаты, за ним на стене появляются следы пулевых разрывов. Нергал поворачивается, стараясь успеть за кровососом, но тот опережает. Пять выстрелов – в молоко! Курок бесполезно щелкает по пустой гильзе, плащ разворачивается вслед за своим владельцем. Упырь прыгивает на пол, кровожадно оскалившись.

Голова девушки только заканчивает поворот вслед за стремительными действиями соперников. Пулевик переламывается, дымящиеся гильзы вылетают из барабана. Вампир прыгает с недоступной человеку скоростью, тело хищника распластывается в стремительном полете. Но Нергал двигается быстрее.

Пулевик вылетает из руки, тесак, появившись из-под отворота плаща, с натугой рассекает воздух. Упырь пытается извернуться, изменить траекторию полета, но поздно. Лезвие гномьей работы проходит сквозь плоть нежити, как кухонный нож сквозь масло.

Располовиненное тело вампира продолжает полет уже безжизненной массой. Только теперь слышится звон рассы-

павшихся гильз, миг спустя – звук падения пулевика. Рассеченный кровосос валится на пол, брызги ледяной флегмы обдают консержку с головы до ног. Могучий спазм скручивает девушку, она сгибается пополам, из желудка выходит наружу слишком рано съеденный завтрак.

Соня кашляет, стараясь удержать желудок от повторной рвоты, Нергал наклоняется за оружием. Тесак аккуратно ложится у ног, пулевик щелкает новой обоймой. По комнате разносится тонкий вскрик. Когда охотник выпрямляется, действовать уже поздно. Худой продолговатый вампир с костлявыми руками держит девушку за шею, прикрываясь ей, как живым щитом.

– Не дергайся! – яростно шипит вампир, – Я ее убью!

– Убивай, – спокойно соглашается охотник.

Взгляд Нергала почти ощутимо жжет огнем, ледяная ладонь с адской силой сжимает горло Сони. Консержка чувствует, что ее жизнь висит на как никогда тонком волоске.

– Бросай оружие, или девчонке крышка! – упырь срывается на злобный крик.

– Лови! – Рихтер отправляет пулевик в полет.

Вампиру ничего не остается, кроме как схватить оружие в воздухе. Тонкая ладонь берется за рукоять, в тот же миг ручка взрывается световой вспышкой, обжигая руку нежити до самого плеча. Упырь отшатывается назад, невольно отпуская заложницу.

В следующий момент Нергал уже возле кровососа. С

громким свистом стилет рассекает воздух, четырехгранное лезвие входит под горло, пронзая череп упыря от нижней челюсти до темечка. Вампир нелепо дергается, трясясь всем телом. Охотник осторожно убирает трясущуюся руку гада подальше от застывшей девушки.

– Добро пожаловать в ад... – Рихтер рывком выдергивает оружие, мертвый кровосос медленно оседает.

Флегма толчком вырывается из колотой раны, мощным потоком орошая консьержку. Соня судорожно визжит, отползая в сторону. Девушку колотит, то ли от омерзительного душа, то ли от внезапного нападения. Ее глаза расширены настолько, что кажется, будто сейчас выпрыгнут из орбит.

Нергал поднял почерневший пулевик. Рукоять покрылась толстым слоем копоти. Придется чистить, да и защитное заклятье против нежити обновить не помешает. Работает безотказно, помогает частенько, стоит своих денег безусловно.

Пулевик отправился в кобуру, охотник тщательно вытер стилет, тесак. Холодное оружие вслед за огнестрельным спряталось в складках плаща.

Рихтер оглядел поле боя с довольным видом. Упыри мертвы, без особых проблем и почти без жертв. Разорванная рубашка, разбитая мебель – все это пустяки, как и попорченная психика девушки. Ничего, молодая еще, пластичная. Выправится, если совсем с ума не сойдет.

Соня смотрела на охотника во все глаза, машинально стараясь стереть с кожи и одежды зеленую слизь.

Нергал опустил перед убитым упырем на корточки, из кармана показался выкидной нож. Самый обычный, дешёвка, можно купить за бесценок в любом оружейном. Сверкнуло лезвие, вспарывая одежду мертвеца. Охотник брезгливо поморщился, взрезая кожу на животе вурдалака. Ладонь нырнула внутрь тела, нащупывая нужные органы. Рывок – со смачным хлипом рука извлекла из трупа истекающую флегмой печень.

Надсадные хрипы заставили Рихтера обернуться. Девушка билась в спазмах, ее вновь выворачивало наизнанку.

ГЛАВА 8

Спецгвардия прибыла на место происшествия оперативно, всего лишь чуть позже жандармов. Ханс выбрался из мехмобиля, поежившись от холода. Преодолеl расстояние до типового уютного таун-хауса, ботинки шаркнули по махровому коврику, из приоткрывшейся двери пахнуло теплом и потом.

В холле царил полумрак, видимо приглушенное освещение нравилось жильцам. Бывшим жильцам. Можно сказать, не жильцам. Впрочем, учитывая мрачную погоду, переход с улицы внутрь не особо напрягал глаза.

Прямо по курсу – разгромленное бюро консьержки, по стене вокруг – следы выстрелов. Хорошо различимый запах сгоревшего пороха, гильзы характерного калибра на полу. Нетрудно догадаться, чьих рук дело.

Жертвы. Труп с простреленной головой, второй – с колотой раной в основании черепа. Третье тело буквально рассечено надвое мастерским ударом. Зеленая флегма скопилась тонкой лужицей. Все-таки вампирская кровь слишком густая, не может залить всю комнату. Черт возьми! Три кровососа, сраженных одним человеком за считанные минуты. Это очень впечатляет, равно как и способ убийства. Быстро, надежно, эффектно. И эффективно.

Краузе усмехнулся, украдкой глянув на консьержку. С девушкой работала бригада медиков, ее оперативно накачивали успокоительными. Хансу нравились такие стервочки: с крашенными волосами, в дерзкой мини-юбке, уверенная, себе на уме. Правда, внешний вид значительно подпорчен потеками зеленой слизи и следами рвоты. Ну, ничего... Надо будет потом провести с ней пару следственных мероприятий, уточнить показания, осуществить посттравматический инструктаж...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.